

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154

Цензурные глумления

На завершающем этапе травли уничтожения журнала «Новый мир» Александра Твардовского сановниками отделов культуры и агитации и пропаганды подобные подталкивания стали испытывать идеологические отделы нашей области, прежде всего в Калуге и Обнинске.

История с публикацией «Юности в Железнодорожке» навязывала им путь на вздрючивание независимых писателей и ученых. После того как закончилось улаживание в ЦК КПСС, чтобы я взял на доработку вторую половину романа, и когда я решительно отказался пойти на это и вернулся в Калугу, никто из секретарей обкома: ни Алексей Васильевич Аксенов, который, известив о вызове меня к Альберту Беляеву, внушал мне, что я должен согласиться с высокими предложениями, в противном случае лишусь возможности печататься на три года; не вызывал меня ни Гусев Николай Николаевич, второй секретарь, курировавший ряд отделов, и в том ряду – отдел пропаганды.

Критика в «Литературке», «Литературной России», реплика газеты «Правда», закрытые цензурные и партийные совещания не вызвали сколько-нибудь заметного волнения в обкоме. И меня туда не пригласили.

В Магнитогорске, куда я давно не ездил, начала прибалтывать моя мама. Возраст возрастом, но я предчувял, что от погрома, учиненного роману, где она узнавала себя в главной героине, матери Сережи Анисимова, повредилось ее здоровье. Хотя и поддерживали ее настроение разные люди, возмущенные письмом ветеранов и критикой Синельникова М. К., она не справлялась с переживаниями за меня, единственного сыночка.

Ручьев огорчил мою маму

С детства я удивлялся неимоверной ее любви ко мне. С годами это чувство разрасталось до боготворения, из-за которого я испытывал и оторопь, и неловкость, и возмущение. Я – взрослый человек, отец семейства, а она ко мне, точно бы к божку-малютке, потому, наверное, мои недоли, неприятности потрясли маму гораздо проникновеннее, прямо-таки вулканически, чем меня самого. Я поехал привлечь пристальное внимание медиков к маме, чего, к отраде, не потребовалось: их забота о ней отличалась постоянством – каждый день навещалась участковая врачиха, а медсестра делала сердечные и успокоительные уколы.

Долголетняя работа мамы на прокате (блужинг, слябинг, склад стальных заготовок) вознаграждалась исключительным уровнем, лечебным и этическим, медиков поликлиники металлургического комбината. Из моих верных друзей-товарищей огульное расхищение романа «Юность в Железнодорожке» не отпугнуло ни Рябова Николая с женой

Александр Яшин, русский поэт и прозаик

и сыном, ни Анну Турусову с мужем, ни Шувагиных, ни, тем более, Юрия Петрова; даже отсидевший десять лет в лагерях и тюрьмах и отбывший десять лет ссылок Андрей Иванович Сулимов не дрогнул (его, раньше, до моего приезда, агитировали подписать письмо ветеранов – полный отказ. Не зря мы со Станиславом Мелешиним поименовали его магнитогорцем номер один).

Огорчил мою маму Борис Ручьев: встретив на улице, возле Дворца пионеров, она спросила его о том, как он относится к нападкам «на моего сыночка», но он не утешил ее: «Я не советовал ему печатать роман». Вот так и бухнул, почти убийственно для ее сердца. Ручьев не читал романа. И обрушил напраслину на душу моей мамы Марии Ивановны. А меня огорчил Федор Разин («Разин, но не Степан, Федор, но не Шалапин»). Я шел понаведать Разиных. Федор увидел меня со своего балкона и спрятался. Не открыл.

Такого пошиба огорчений больше не было. От встречи со мной мог бы политично открутиться первый секретарь горкома партии Владимир Васильевич Колосок (страх за потерю власти тогда был явлением ужасным), но Колосок великолепно принял меня, не без застолья в буфете горкома с коньяком, лососем, красной и черной икрой, с крабовым салатом и жареным с грибами мясом.

Я зауважал Владимира Васильевича шибче: мы учились с ним в школе рабочей молодежи; он гордился тем, что родом из гоголевских мест – нежинский; он ввел в городе дни своих выступлений на предприятиях с последующими ненаказуемыми вопросами; он помог моему двоюродному брату Александру Александровичу Коновалову, рецидивисту, вышедшему из заключения, получить комнату; он как жил в двухкомнатной квартире нижнего этажа обыкновенного дома, будучи инженером-прокатчиком, так и оставался в ней с женой и сыном, избранный первым секретарем горкома...

Осторожный хитрован

В мое отсутствие Татьяна Петровна была приглашена в гости к Ткаченкам. Причина приглашения: пожалуй, день рождения Анатолия Сергеевича. В январе-феврале мы с Татьяной встретили Лию Ткаченко на Киевском вокзале, вместе ехали в электричке. Лиля сошла в Обнинске, мы поехали дальше, на Калугу, оба прихмуренные, подавленные тем, что Лиля была в изношенной, с пролысинами каракулевой шубе, что ее красота померкла, исказилась, усугубленная нехваткой зубов. А мы ведь помнили белоснежную свежесть ее лица, озаренную нежным румянцем, и жемчужно-белые зубы.

Молва, исходившая от обнинских писателей, ученых, работников культуры, настраивала на безотрадность: сам А.С.Т. не хочет облегчить участь Лили и ей мешают, однако то, что получает за публикации, по-купчески тратит в ресторанах на сотрудниц центральных издательств, прежде всего редакторш.

На чествовании Ткаченки Татьяна Петровна произнесла тост, посвященный Лиле: родила ему прекрасного сына Володю, мальчик на редкость воспитанный. Помогает Лиля мужу редактированием, да так искусно, что столичным редакторшам не к чему придираться в стиле.

– Может, ты скажешь, что она за меня пишет? – провопил Анатолий Сергеевич.

– А было бы хорошо, – невольно отозвалась Татьяна Петровна, которой было известно, сколь бесчувственна его позадушенная эпитетами и пейзажами проза.

– Вон из моего дома! – закричал Ткаченко.

Время двигалось к полуночи. Татьяна Петровна устремилась на станцию. За ней следовал, дабы броситься на защиту, если кто-то посмеет напасть на Татьяну Петровну, писатель Илья Кашафудинов. Илью, кто мучительно сомневался в своей прозе, более насыщенной кровью жизни, самоцветным языком, сюжетно-притягательной, наделенной элитной мудростью, чем проза Ткаченки, последний грубо третировал, за что я осаживал Анатолия Сергеевича, когда это случилось при мне. Не могу не отметить, что Ткаченко, по-хохлацки хитрован, был предельно осторожен со мной: сроду не возражал мне, и уж, тем паче, не вышучивал мой образ жизни, как он, фальсифицируя, прибрывает, ибо в отделении Союза, смею клятвенно утверждать, я трудился на совесть: милосердно, доброжелательно, подвижнически, вне расчета и корысти.

Кому поет жаворонок

Галина, молодая жена Алексея Шеметова из Тарусы, родила девочку. Я не видел ее и не знал, что она беременна. Вдруг звонит. Сквозь ее слезы и плач слышу: «Николай Павлович, у меня в груди нет молока, нечего есть. Алеша болен».

С детства я удивлялся неимоверной любви мамы ко мне

Иду на Главпочтамт, отправляю телеграфом свои деньги. По межгороду предлагаю Шеметову рецензировать рукописи, приносимые в отделение писателей. Отказывается. Не в состоянии. Пишу рецензии за него, гонорар – ему. Посылаю в Тульское издательство рукопись очерков Шеметова. Главный редактор Юткевич отказывает очеркам в публикации. Они пойдут, если их превратить в повесть. Звоню Алексею Ивановичу. Он не в силах превратить очерки в повесть. Все-таки необходимо перекрыть нужду его семьи. Сам превращаю очерки в повесть «Кому поет жаворонок». Печатают.

Анна Гомберг, мать поэтессы Надежды Григорьевой, написала биографический роман. Просит меня лично прочесть. Читаю. Еду в Обнинск. Объясняю, что необходимо

сделать для улучшения романа. Хотя роман о еврейском революционном роде, Юткевич отклоняет его: не готов. Советую Надежде довести мамину вещь до ума. Отказ: не справится. Умалчивает, чтобы я помог. И я, и Шеметов умалчивали о переделке очерков в повесть. Откуда-то Надежда узнала об этом. Ее мама старше Алексея Ивановича и очень больна. Надо бы уклониться от расточительства собственной творческой энергии, но потворствую по инерции, да и жалко старушку, глядящую на меня взором вселенской неволи. Огоревал роман. Увы, ко мне у самой Надежды Григорьевой просьба. Сборник ее стихов запланирован издательством «Советский писатель», но переносим в планах из года в год. Она в конце отчаялась от ожидания. Еду в Москву на секретариат Союза писателей РСФСР. Председательствует на секретариате Леонид Сергеевич Соболев, автор знаменитых романа «Капитальный ремонт» и рассказов «Морская душа». Выступаю возмущенно: в планы вставляются столичные поэты, понятно, и они толкуются в очереди на издание, а провинциалы задвигаются. «Вы говорили – у нас нет провинции. Есть провинция, Леонид Сергеевич, да не обидит вас мое возражение, есть, потому что находится за пределами Москвы».

Парадоксальность по-доброму воспринимается Соболевым, он безотлагательно звонит председателю «Советского писателя» Лесючевскому Николаю Васильевичу и требует сдать рукопись Надежды Григорьевой в набор, и сборник ее стихов довольно быстро выскакивает в свет. А скольким молодым поэтам я помог напечатать книги стихов: Валентине Левченко, Валентину Матюхину, Валентине Невинной, Анатолию Кухтинскому, Николаю Исаеву, Сергею Пехтереву, Вячеславу Шетинникову.

Единственный сборник рассказов вышел у Владимира Кобликова с моей подачи в издательстве «Советская Россия». Книга воспоминаний гениального Александра Чижевского вышла в том же издательстве моими усилиями. Я помог бедствующему и многосемейному, разгромленному за «Вологодскую свадьбу» Александру Яшину заключить при поддержке Людмилы Татьяничевой договор с издательством «Советская Россия» (главный редактор Туркин) и получить аванс.

Притворство Ткаченки, якобы никто ему ни в чем не помогал, насквозь живо: я устроил ему честно, опираясь на благородных партийных деятелей Обнинска, вступление в жилищный кооператив и переезд в атомоград, написал об его книге рецензию в «Литературку» (из сострадания: молчат о нем; каюсь, согрешил). Я рекомендовал его рассказ «Новоселье» в журнал «Новый мир», и рассказ был замечен, пусть и критически, не без оглушенности. Кстати, он взахлеб оповещает, будто лишь один из писателей, – очеркист Георгий Радов – написал о нем, словно не помнит, что я поддержал его, чуть ли не плакался мне о том, что писем ему читатели не присылают и нет отзывать в печати.

Продолжение следует